

А для обычных солдат и их семей разлука при жизни вполне могла означать преждевременную смерть. Поэтому шли годы, а эту горную расщелину люди прозвали Ущельем Разрывающего Сердца. Позже даже сложили стихотворение: Пройдешь Ущелье — у обоих сердце рвется, а яркая луна и на милю света не прольет.

Юй-Чань, выглядывая в окно повозки, сразу заметила выведенные на скале старинными, величественными мазками алые иероглифы Ущелье Разрывающего Сердца. Казалось, одно лишь мимолетное движение взгляда на эти три знака способно донести всю скорбь прямо до человеческого сердца.

— Ущелье Разрывающего Сердца, Ущелье Разрывающего Сердца, пройдем Ущелье — у обоих сердце рвется, а яркая луна и на милю света не прольет, — тихо пробормотала Юй-Чань.

Ее голос как раз вывел Гу Чэня из оцепенения, в которое он погрузился, уйдя в собственные мысли.

— Мы прибыли в Ущелье Разрывающего Сердца? — Гу Чэнь пришел в себя, тоже придвинулся к окну и выглянул наружу. И впрямь, вдаль виднелись те самые крупные, витиеватые иероглифы. А впереди первые повозки каравана уже пересекали цепной мост, соединявший две стороны пропасти.

Гу Чэнь беззаботно смотрел в окно, в то время как сидевшая рядом с ним Юй-Чань от его близости вся напряглась, превратившись в струнку. Ни один из них не заметил, как в лесу по кривой позвонку уже назревал заговор против Гу Чэня...

Стоило Гу Чэню наслаждаться тихим, мирным и буйным зеленым пейзажем Ущелья Разрывающего Сердца, как внезапно грянула беда!

Резкий свист рассекаемого воздуха, сопровождаемый треском, устремился прямо к повозке Гу Чэня. Все произошло настолько неожиданно, что никто даже не успел среагировать. Огромная черная тень, сверкающая разрядами молний, мгновенно врезалась в экипаж. В тот момент повозка находилась всего в нескольких метрах от края обрыва, и от удара этой тени мгновенно оказалась окутана молниями, выбилась из каравана и полетела напрямик в пропасть...

Повозка летела камнем вниз, в самую бездну...

Напавшей на экипаж тварью оказалась теневая зверушка шестой ступени — Грозовой Зверь. Достигнув шестой ступени, Грозовой Зверь превосходил в размерах повозку, в которой ехали Гу Чэнь и остальные, в несколько раз. Он применил свое защитное умение — Вспышку Грома — по всему телу и, совершив мощный таран с разбега, перешел от защиты к нападению, столкнув повозку со скалы. Грозковые Звери отличались диким, необузданным нравом, и даже в детском возрасте редко кому удавалось заставить их признать хозяина, так что их по праву считали дикими тварями в естественной среде обитания. И все же находились те, кто умел принуждать их к послушанию — на материке таких людей называли укротителями зверей.

В глубине густого леса стоял невысокий человек, целиком закутанный в длинный черный плащ; наружу выглядывали лишь розоватые губы да пара белоснежных рук. В руках он держал сияющую синевой флейту, ровно выдыхая воздух и без усталости перебирая пальцами по ее стволу. Удивительно, но флейта не издавала звуков — вместо этого она испускала круговые прозрачные ударные волны. Именно этот человек и управлял Грозным Зверем.

Внезапная встряска заставила Гу Чэня и Юй-Чань столкнуться в повозке лбами, да так, что из глаз у обоих искры посыпались. В тот же миг между Гу Чэнем и Юй-Чань появился Сяо-Шань. Навык поглощения — Свет Поглощения — распространился сферой, и благодаря разделяющей их незримой волне ци защитил обоих. Так что когда Грозный Зверь своей Вспышкой Грома разнес повозку в щепки, самим пассажирам вреда это не причинило.

Однако скорость падения из-за появления Света Поглощения ничуть не уменьшилась. Запасы духовной энергии у Сяо-Шаня и Гу Чэня тоже были небезграничны, а Свет Поглощения являлся энергоемким навыком. Сообразив это, Гу Чэнь, несмотря на полет в пропасть, крепко обнял Юй-Чань, развеял Свет Поглощения и спрятал Сяо-Шаня обратно в свое тело. Он планировал выпустить Сяо-Шаня на свободу уже ближе к дну, чтобы тот спас им с Юй-Чань жизни. Кто же знал, что глубина пропасти составляла целых десять тысяч чжанов, и даже спустя полчаса падения дна все еще не было видно. Зато попадавшие на пути ветви деревьев успели покрыть их тела сплошными синяками и царапинами, физические силы постепенно иссякали, Юй-Чань уже потеряла сознание, да и у Гу Чэня почти не оставалось мощи — он держал девушку исключительно на чистой силе воли.

Чем глубже они падали, тем гуще и толще становились ветки, а земли по-прежнему не было видно. Желая лучше защитить Юй-Чань, Гу Чэнь давно уже перевернулся в воздухе и подставил под удар собственную спину. Бесчисленные столкновения принесли ему невыносимые муки, одежда давно превратилась в лохмотья, внутренности, казалось, сместились со своих мест, а во рту скопилась кровь — кровавые струйки невольно сочились из уголка рта Гу Чэня. Наконец, столкновение стало неизбежным: голова Гу Чэня с размаху врезалась в толстый ствол дерева, изо рта фонтаном хлынула кровь, и он потерял сознание.

А на земле, всего в тысяче чжанов от Гу Чэня, стояли два человека.

Скромно одетая красивая женщина в белом стояла прямо внизу; ее брови напоминали тонкие дуги далеких гор, а на лице не было ни гнева, ни радости. Судя по внешности, ей можно было дать около тридцати лет. На расстоянии нескольких десятков метров в стороне стоял молодой мужчина в простом зеленом халате. Да-да, именно мужчина — поразительно, но этот мужчина каким-то чудом оказался на материке в Королевстве Дакрум, преимущественно женском государстве. При этом на вид он казался даже моложе той женщины; каскад светло-зеленых волос спадал на плечи, уголки рта неизменно трогала легкая улыбка, а взгляд был прикован к женщине неподалеку — так преданный муж смотрит на любимую жену. Сама же женщина, не открывая глаз, запрокинула голову и пыталась что-то прочувствовать. Губы ее непрерывно шевелились в тихом бормотании:

— Прошлой ночью я наблюдала за звездами, гадала о будущем и увидела, что здесь падает Небесная Звезда Утра, а моя личная звезда-хранительница вспыхнула ярким светом, словно придя в крайнее волнение. Должно быть, эта Небесная Звезда Утра связана со мной судьбой,

так пойду взгляну на нее нынче.

На этих словах она вдруг нахмурилась — судя по всему, произошло что-то тревожное.

— Тц, скверно, они потеряли сознание, это опасно.

Едва произнеся это, она перешла к действиям. Средний палец женщины вспыхнул золотистым светом, и, направив духовную силу, она совершила щелчок вверх. Незримая духовная энергия взмыла стрелой прямо до тех двоих, что все еще падали, превратившись в прозрачный сферический купол, который окутал их обоих. Под контролем женщины они полетели со скоростью в десятки раз быстрее прежней, умело огибая густые ветки дерева, прямиком к ней. Будь здесь кто-нибудь сведущий в культивации, он непременно бы воскликнул:

— Навык духовной силы святого уровня — Удаленное Управление!

Едва они должны были плавно опуститься на землю, женщина вскинула руку и при помощи духовной силы развела их в стороны, швырнув Юй-Чань в сторону мужчины, попутно бросив:

— Раз уж явились двое, считай, тебе повезло, дарю ее!

Стоило ее голосу смолкнуть, как мужчина уже поймал Юй-Чань с помощью духовного купола. Когда же он поднял голову, женщины и след простыл. Мужчина горько усмехнулся и тихо произнес:

— Сколько лет прошло, а ты всё самоуправством занимаешься. Но ведь это маленькая девочка, неужели ты так мне доверяешь?

Голос мужчины звучал очень мягко, с каким-то мягким, тягучим оттенком.

— Да кто ж не знает, что ты любишь мужчин! И впредь избавь меня от своих омерзительных взглядов!

Голос женщины, давно исчезнувшей, эхом разнесся вокруг, после чего лес снова погрузился в тишину. Мужчина незаметно растворился вместе с Юй-Чань...

Прошло немало времени, прежде чем тишина этого леса вновь нарушилась стрекотанием насекомых и щебетанием птиц — казалось, до этого лес находился под чьим-то тяжелым гнетом.

Когда потерявший сознание Гу Чань пришел в себя, минуло уже добрых два дня. Из-за юного возраста травмы при падении со скалы выдались нешуточными. Хотя сбоку-припеку его с детства и натаскивали в королевском дворце самыми разными способами, но то был дворец — разница между домашним питомцем и диким зверем все же имела место. Взять хотя бы устойчивость к ударам: кто в здравом уме посмел бы лупить будущего короля, нынешнего принца?

Гу Чэнь поморщился с закрытыми глазами и слегка покачал головой из стороны в сторону, после чего резко распахнул глаза и заорал:

— Юй-Чань!

Он попытался резко сесть, но не смог, рухнув обратно на постель, и в тот же миг огласил комнату воплем боли. Причина крылась в том, что весь Гу Чэнь от макушки до пят, за исключением глаз, носа и рта, был замотан в бинты — вылитый мумия!

— Допрыгался! Тридцать семь переломов по всему телу, а ты еще умудряешься делать резкие движения — я просто преклоняюсь перед твоей глупостью!

С этими словами в комнату вошла женщина, неся в руках охапку цветов и трав.

Корчившийся на кровати и скривившийся от боли Гу Чэнь, увидев женщину, разом разинул рот, вытаращил глаза и уставился на нее так, будто средь бела дня узрел призрака.

— Мама?!

Потрясение Гу Чэня в этот момент превзошло все мыслимые пределы. Он даже на время позабыл о ломоте в теле — глаза вылезли из орбит, напоминая медные колокола, а рот раскрылся так широко, что туда запросто поместилось бы куриное яйцо.

— Какая я тебе мать? У меня отроду не было такого никчемного сына!

Бросив это, женщина разложила цветы и травы по каменным ступкам в углу комнаты, развернулась к выходу и свистнула. Не прошло и мгновения, как в дверях запрыгало несколько сосновых куниц. Эти сосновые куницы походили на земных белок, вот только передние лапы у них были куда массивнее, да и размером они чуть превосходили белок. Самцы сосновых куниц щеголяли вертикальными красно-белыми полосками на шкурках, тогда как самки — горизонтальными. Парочка куниц, самец и самочка, подскочила к ступкам с двух сторон и принялась толкать тяжелые круглые жернова: самец толкнет — вправо, самочка — влево. Судя по слаженности движений, эти сосновые куницы давно состояли в личных отношениях у женщины, и, глядя на такую сноровку, можно было понять, что дело это привычное и длится далеко не первый день. Услышав слова красивой женщины, Гу Чэнь словно молнией был поражен! До боли знакомые слова — и до чего же точно, буква в букву. Эмоции, которые Гу Чэнь так долго подавлял, наконец-то прорвали плотину, словно в проснувшемся вулкане, нашедшем выход для лавы, и удержать их было уже невозможно. Преодолевая жуткую боль во всем теле, он кубарем скатился с кровати, шатаясь и спотыкаясь, доковылял до красивой женщины и вцепился в ее талию (в тот момент ростом Гу Чэнь был не выше семи-восьмилетнего ребенка). Сдавленно всхлипывая, он закричал:

— Мама!

Стоило этому слову сорваться с губ, как слезы неконтролируемым потоком хлынули из глаз. Даже понимая, что стоящая перед ним женщина вовсе не та мама, по которой он тосковал

днями и ночами, ее невероятное сходство и точь-в-точь повторенные слова с легкостью сокрушили все психологические защитные барьеры Гу Чэня.

На мгновение... пусть даже всего на одно мгновение, но мама, как же сильно я по тебе скучаю! Гу Чэнь крепко обнимал красивую женщину, словно боится, что в следующее мгновение она исчезнет, и тогда он лишится своего единственного утешения. Слезы безостановочно катились из глаз, а Гу Чэнь продолжал бормотать:

— Мама, мама, мама...

Казалось, любые другие слова сейчас были неуместны, и осталось лишь это одно-единственное слово, вобравшее в себя все его чувства, которое он повторял снова и снова. Человек всегда понимает, как драгоценно то, что он имел, лишь потеряв это, и только тогда учится ценить.

Красивая женщина никак не ожидала, что Гу Чэнь отреагирует настолько бурно, и та фраза: «Да я тебе в бабушки гожусь!» — так и застряла у нее в горле. Внезапно оказавшись в объятиях мальчика и слушая его пронзительный, полный слез крик «мама», она почувствовала, как дрогнул какой-то мягкий уголок ее сердца. Словно заразившись глубокой печалью Гу Чэня, женщина мягко протянула руку и опустила ее на голову мальчика, нежно поглаживая. Ощувив тепло чужой ладони на макушке, Гу Чэнь почувствовал, как все напряженные до предела нервы в его теле наконец-то расслабились. Однако нанесенные раны вовсе не собирались его жалеть: если прежде всплеск эмоций заглушал всю боль, то теперь, стоило телу обмякнуть, как заныл каждый дюйм кожи, и во многих местах швы и раны вновь разошлись. Кровь снова проступила сквозь белоснежные бинты, режа глаза своей яркостью. Острая, пронзающая сердце боль накатила с новой силой, тело Гу Чэня потеряло последние силы, и он снова упал в обморок. Красивая женщина молниеносно подхватила его обмякшее тело и, заметив те самые режущие глаза кровавые пятна, поспешно запечатала его меридианы с помощью духовной энергии. Осторожно уложив мальчика обратно на постель, она бросила взгляд на его бледное личико, где все еще блестели зачарованные слезинки, легко вздохнула и кончиками пальцев смахнула их.

Когда Гу Чэнь очнулся во второй раз, уже стоял вечер третьего дня. На сей раз его разбудил не кошмар, а голод. Едва открыв глаза, он услышал, как в животе отчаянно урчит. Гу Чэнь пошевелил головой и окинул взглядом собственное тело: бинты успели сменить на свежие, к тому же одну треть из них уже сняли, так что движения больше не были скованными. В комнате никого не было, на столе ярко горела масляная лампа. В ее свете Гу Чэнь разглядел расставленные на столе две тарелки с едой, несколько паровых пампушек и большую миску кажи. Еда еще слегка дымилась — кто-то явно знал заранее, что он придет в себя именно в этот момент.

Осторожно сползнув с кровати, Гу Чэнь доковылял до стола, но стоило его пятой точке коснуться стула, как он с писком «Ай, жжет!» подпрыгнул на месте. Яростно зыркнув на стул, он был вынужден слегка потереть ушибленное место и, оскалив зубы, злобно прошипел:

— Твою мать, раз брату нельзя сидеть, братушка пожрет стоя! Еда — пальчики оближешь, а здоровье богатырское!

Бормоча себе под нос, он схватил пампушку и принялся уплетать еду за обе щеки. Сидевшая в затворе в соседней комнате женщина почувствовала состояние Гу Чэня и тихо усмехнулась:

— Вот же сорванец! А восстанавливается и правда быстро!

Снаружи хижины сиял яркий лунный свет, вокруг царило безмолвие. Неподалеку от домика протекал прозрачный, до самого дна видный ручей, а на противоположном берегу темнело еще несколько таких же деревянных построек. В одной из них тоже горел свет — Юй Чань сидела внутри, погруженная в медитацию.

Один день в роли учителя — отец на всю жизнь!

Юй Чань пострадала куда меньше Гу Чэня, поскольку в момент удара он прикрывал ее собой, а потому она оправилась всего за сутки. Более того, она разобралась в здешней обстановке гораздо раньше Гу Чэня, признав прежнего мужчину своим наставником. Первым делом после выздоровления она отправилась навестить Гу Чэня, и лишь убедившись, что с ним все в порядке, со спокойной душой приступила к тренировкам.

На следующее утро Гу Чэнь проснулся спозаранку — сказался избыток сна накануне. К его удивлению, та самая красивая женщина явилась проводить его с завтраком в руках едва ли не в ту же секунду, как он открыл глаза.

— Эй, парень, ты наконец-то соизволил проснуться, а? — поинтересовалась она, с расстановкой выставляя еду на стол.

Гу Чэнь протер глаза и приподнялся на постели:

— Я не эй, меня зовут Гу Чэнь.

— Гу Чэнь? — женщина на мгновение задумалась. — Десятки лет назад фамилия Гу принадлежала королевской семье... неужто ты из знатного рода?

Она повернулась к нему, скрестив руки на груди. Зрелище перед ее грудью открывалось весьма впечатляющее.

— С какой стати я должен перед тобой отчитываться?

Прежняя потеря контроля над собой случилась лишь потому, что слишком долго копившиеся эмоции не находили выхода, но теперь, придя в себя, Гу Чэнь вспомнил, что в присутствии чужаков необходимо выстраивать защитные барьеры.

— Хотя бы с той, что сегодня ты станешь моим учеником! — уголки губ женщины изогнулись в чуть лукавой, загадочной улыбке.

Глядя на ее лицо, Гу Чэнь на секунду замер.

До чего же похоже! Мама всегда улыбалась точно так же, когда собиралась урезать или выпросить мои карманные деньги! — Ну же, снимай бинты, а церемонию посвящения в ученики проведем, когда ты придешь в норму. Сейчас главная задача — отвести тебя искупаться в

Духовном Источнике! — произнесла красивая женщина, приближаясь к Гу Чэню, чтобы помочь ему развязать бинты.

– Ты... ты... что ты делаешь?! – Гу Чэнь прикрыл руками грудь, точь-в-точь как невинная девочка, к которой пытаются приставать.

– Это еще что за выражение лица? Чего ты? Смущаешься еще?! Помилуй бог, мал... то есть, ученик, я ведь до этого уже видела тебя голышом больше одного раза, между прочим!

Лицо Гу Чэня, и так не отличавшееся безмятежностью, от слов красавицы вспыхнуло пунцовым цветом сверху донизу. Обиженно и сердито он рявкнул:

– Я же сказал, не нужно твоей помощи! Выйди!

Более шести лет жизни на руководящих постах незаметно наделили поведение Гу Чэня властным величием. Его окрик заставил красивую женщину замереть на полуслове. Она на мгновение опешила, но тут же пришла в себя и презрительно фыркнула:

– Ишь! Далась мне твоя стряпня! Если бы не...

На этом месте женщина, казалось, о чем-то вспомнила и раздраженно бросила:

– Короче говоря, с сегодняшнего дня я, Му Инлин, — твоя наставница! Как говорится, один день учитель — мать на всю жизнь! (Да и говорят ли так вообще?!) Так и быть, не стану сводить с тобой счёты за вчерашние вопли. А теперь снимай бинты, накидывай это и за мной.

С этими словами она взмахнула запястьем, и надетый на нем сине-зеленый браслет ярко блеснул. В ее руке материализовалось белое одеяние, которое она небрежно швырнула на кровать и повернулась к выходу.

Гу Чэнь протянул руку, поймал брошенное одеяние и принялся сам развязывать бинты на теле. По правде говоря, за что Гу Чэню действительно стоило благодарить судьбу, так это за то, что он переродился именно в этой стране и в этом мире, пусть даже его нынешнее тело еще не до конца сформировалось. Но родись он где-нибудь в другом месте, да еще и в королевской семье — когда пришлой пора взрослеть, ему стало бы и вовсе стыдно показаться людям на глаза. Дело в том, что все те, кому в королевстве Дакруги суждено было играть роль «мужчин», с самых юных лет начинали принимать особую разработку королевских лекарей. Зелье это действовало так: оно наглухо блокировало тимус и матку, заставляя оба эти органа прекратить развитие. Это на корню пресекало любую возможность увеличения груди или рождения детей, и не более того. Стоило принимать лекарство два года подряд, как рост груди и матки навсегда останавливался, причем без малейшего вреда для здоровья человека. Однако рецепт держался в строжайшем секрете — он передавался исключительно в стенах королевского дворца и среди высшей аристократии, и только избранным дозволялось принимать это средство. Именно поэтому Гу Чэнь так смущался: причиной всему были лишь пережитки его прежних замашек да неловкость от того, что какая-то женщина увидела его абсолютно голым. Даже если эта женщина до жути напоминала его собственную мать!

Наконец, провозившись добрую половину вечности, Гу Чэнь выбрался из деревянного домика. С крайне недовольной физиономией он с первого же взгляда заметил красивую женщину, которая примостилась неподалеку и продолжала что-то бормотать себе под нос. И нельзя было винить Гу Чэня за недовольство: эта бессовестная женщина бросила ему всего лишь одну

длинную белую робу, не выделив ни нижнего белья, ни какой-либо другой одежды. Накинув одеяние на голое тело, Гу Чэнь при каждом шаге чувствовал, как снизу гуляет ветер, вступая в самый интимный контакт со всей его кожей, от чего становилось невероятно противно.

Хмурый Гу Чэнь приблизился к наставнице и услышал, как та беседует с крошечным, ярко-красным цветком высотой в цунь. Казалось, растение действительно понимало слова женщины и даже как-то на них реагировало! Охваченный любопытством, Гу Чэнь сделал еще два шага вперед и услышал обиженный голос Му Инлин:

– Сяо Хун! Скажи мне! Разве у него есть хоть капля совести? Я ведь жизнь ему спала, а он даже не удосужился поблагодарить меня, да еще и наорал! Я из лучших побуждений хотела залечить его раны и взять в ученики, а ты глянь на него! Ну посмотри же на него! Взял и выставил меня за дверь!

На этих словах женщина изобразила, будто показательно вытирает уголки глаз несуществующих слез. Однако мгновение спустя ее тон круто изменился, в голосе прорезались лукавые нотки, заставившие Гу Чэня в очередной раз поразиться скорости, с которой эта женщина меняла маски.

– Хе-хе, а спорим, я знаю, почему он на меня взъелся? Все потому, что...

Услышав это, Гу Чэнь был бы круглым дураком, если бы не догадался, о чем она собирается сболтнуть! Он бросился вперед и что было сил зажал наставнице рот ладонью. Фраза Му Инлин «Я облапала его с головы до пят!» в очередной раз застряла у нее в горле. Вне появление Гу Чэня застало полностью погруженную в сплетни с цветком Му Инлин врасплох, и он успешно прервал ее на полуслове. А стоявший перед ней цветок, казалось, обрел разум и с жадностью внимал чужим секретам — от неожиданности он так испугался Гу Чэня, что с тихим свистом моментально ушел под землю!

– Эй! Ты что, болтаешь всё подряд? – в сердцах выпалил Гу Чэнь, задав на редкость глупый вопрос.

Му Инлин с невинным видом хлопнула ресницами сквозь зажимавшую рот ладонь, а в следующее мгновение просто испарилась из-под его руки. Когда она появилась вновь, то уже пряталась за стволом дерева, высунув наружу одну голову. На ее лице красовалось торжествующее выражение триумфатора, замышляющего каверзу. Залившись звонким смехом, она бросила:

– И что? Что ты мне сделаешь? – Женщина погрозила ему пальцем. – Впрочем, тебе стоит радоваться, что мне лень связываться с тем психом на той стороне, не то Сяо Хун узнала бы о тебе куда больше!

С этими словами она спряталась за дерево и зашлась таким веселым смехом, что аж схватилась за живот.

Гу Чэнь густо покраснел и со злости выдавил:

– Ты...

Но сколько он ни пытался продолжить, в голове не вертелось ни единого подходящего слова! С самого детства Гу Чэнь не отличался подвешенным языком, а потому неизменно проигрывал в словесных перепалках. Впрочем, всю свою сообразительность он привык пускать на интриги и расчеты, ведь как гласит мудрость — молчание золото.

<http://bllate.org/book/20975/2129327>